

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Нѣсколько о немъ припоминачій.

II.¹⁾

Дружественныя связи Тургенева съ Жуковскимъ начались еще въ дѣтствѣ, въ университетскомъ пансіонѣ московскомъ, гдѣ оба, будучи почти одинакихъ лѣтъ, вмѣстѣ учились. Позже близость отношений, одинаковость нравственныхъ убѣжденій и взаимное уваженіе и довѣріе скрѣпили эту дружбу навсегда. Жуковскій, конечно, не для стиха называлъ Тургенева „мой братъ, мой другъ-хранитель“ (1810), не случайно, и Тургеневъ съ видимой радостью приводилъ въ своихъ замѣткахъ то ту, то другую мысль въ томъ видѣ, какъ она была высказана Жуковскимъ. Изданныя доселѣ письма изъ ихъ переписки, въ сожалѣнію, большею частію относятся ко времени ихъ молодости; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ взяты какъ свидѣтельства о ихъ дружбѣ того времени, когда одинъ изъ друзей пользовался только славой даровитаго поэта, а другой—поднимался все выше въ служебной жизни и могъ изъ-за этихъ успѣховъ, подобно сотнямъ и тысячамъ другихъ, забывать все. Нельзя думать, чтобы позже, когда настала пора внѣшней дѣятельности Жуковского и пріостановилась эта дѣятельность для Тургенева, дружба ихъ могла охладѣть. Что это было не такъ,—доказываютъ, между прочимъ, письма 1826—1827 гг., когда передъ Жуковскимъ начала раскрываться дѣятельность наставника Государя Наслѣдника. Одному было 43 года, другому—45 лѣтъ.

Въ письмахъ Тургенева этого времени особенно много и часто говорится о Жуковскомъ. Изъ отзывовъ и замѣчаній Тургенева узна-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 555—564.

емъ Жуковскаго какъ поэта, какъ человѣка и какъ русскаго, яснѣе чѣмъ изъ многихъ другихъ подобныхъ.

Выѣхавъ изъ Россіи лѣтомъ 1826 г. къ большому брату своему, Сергѣю, который въ то время лѣчился въ Дрезденѣ, Тургеневъ остался въ этомъ городѣ до конца апрѣля 1827 г. Былъ въ то же время тамъ Жуковскій, и они два брата—Тургеневъ и Жуковскій—часто проводили время вмѣстѣ. „Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ вмѣстѣ трое: я—чтець, а Жуковскій и братъ—слушатели“. (11-го октября 1826 г.).

Почти въ то же время Жуковскій писалъ Козлову: „Я пріѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполне воспользоваться здѣшнейю совершенною свободою“.

Была въ это время у Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ и общая забота—составленіе библіотеки для великаго князя Наслѣдника. Душою преданные этому дѣлу, они увлекали въ него всѣхъ, кого могли. Тургеневъ Николай жилъ въ это время въ Англій и оттуда долженъ былъ помогать. „Не придумаешь-ли—писалъ ему Александръ Ивановичъ—назначить намъ какія-нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія; но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковскаго реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки Великаго Князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее, именно: 1) для чтенія, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т. е. для приготовленія ихъ къ урокамъ съ помощью лучшаго по каждой части, на примѣръ: исторія во всѣхъ ея родахъ и подраздѣленіяхъ, философія, литература, воспитаніе вообще, военное искусство, законодательство и прововѣдѣніе. Что замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названіе книги замѣченной“. (11-го октября 1826 г.).

Позже (2-го мая 1827 г.) Тургеневъ отмѣтилъ: „Жуковскій для Великаго Князя сдѣлалъ покупу книгъ на 4 тысячи талеровъ, по нашему общему выбору и по совѣту ученыхъ“.

Еще позже, чрезъ полгода послѣ разлуки съ Жуковскимъ (15-го окт.) Тургеневъ, вслѣдъ за приведеніемъ отзывовъ изъ писемъ Бонета о Мюллерѣ написалъ:

„Мнѣ хочется выбрать для Жуковскаго родъ эпистолярной хрестоматіи изъ сихъ писемъ, но въ связи съ письмами Мюллера, до и послѣ кончины его напечатанными и составить нѣчто цѣлое, присоединивъ біографическія краткія статьи къ каждому корреспонденту и

исчисленіе твореній ихъ. Ему бы это послужило для воспламененія юной души его питомца къ прекрасному въ различныхъ родахъ и согрѣло бы сердце питомца чувствомъ дружбы, которое оживляло всю жизнь юношей и старцевъ, ибо 80-ти-лѣтній Бонштетенъ и въ семь году писалъ къ Матисону перомъ 20-ти-лѣтняго Мюллера. Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслию“.

Тургеневъ не растался съ Жуковскимъ и по отъѣздѣ въ Парижъ (въ маѣ 1827 г.):

„Стараюсь быть полезенъ Жуковскому и вознаградить ему время, которое дружба его посвятила намъ и въ Парижѣ; но онъ познакомился уже самъ съ Парижемъ. (12-го іюня 1827 г.).

„Третьяго дни просидѣли мы четыре часа за президентомъ въ police correctionnelle. Судили учениковъ медицинской школы. Адвокатъ Королевскій послѣ допроса сдѣлалъ изложеніе процеса, но вступленіе, поправившееся Жуковскому, меня взбѣсило. Онъ риторствовалъ на счетъ мнѣній и рѣчей, коими либералы возмущаютъ публику и представлялъ въ ужасной картинѣ послѣдствія подобныхъ сценъ и поступковъ. Жуковского эти судебныя сцены болѣе интересуютъ, нежели все прочее въ Парижѣ. (21-го іюня 1827 г.).

„Русскій, по имени Швецовъ, занимающійся на счетъ Демидова металлургіею, будетъ ходить къ тебѣ. Онъ поѣдетъ и путешествовать по Англии. Его хвалятъ. Онъ ѣдетъ послѣ завтра и я далъ ему книжку и нѣсколько строевъ къ тебѣ. Онъ растрогалъ меня объясненіемъ своего положенія. Не знаю, удастся-ли ему помочь со временемъ: эгоизмъ и предрасудки могутъ помѣшать. Вотъ въ чемъ дѣло: онъ воспитанникъ Демидова, взятый изъ Сибири, съ заводовъ, къ коимъ онъ приписанъ; слѣдовательно и ему и заводамъ закрѣпощенный, Демидовъ воспитывалъ его здѣсь въ школѣ des mines; онъ учился прекрасно и получилъ хорошій аттестатъ отъ здѣшнихъ. Потомъ путешествовалъ въ Италиі, Венгріи, Германіи и во Франціи, чтобы на опытъ видѣть улучшенія по рудокопной части. Просилъ лично Демидова дать ему отпускную; но Демидовъ отказалъ... далъ ему только актъ съ общаніемъ, что если черезъ 10 лѣтъ онъ хорошо будетъ вести себя въ Сибири и возвратитъ ему то, чего стоило ему его воспитаніе и ученіе, то тогда онъ дастъ ему свободу. Несмотря на это, несмотря на возможность получить и въ чужихъ краяхъ мѣсто, Швецовъ, со слезами на глазахъ и со страхомъ въ сердцѣ, хочетъ ѣхать въ Сибирь; но собирается просить, изъ Англии или изъ Берлина, государя о позволеніи держать въ Петербургѣ, въ Горномъ корпусѣ, экзаменъ и потомъ объ освобожденіи“.

Всѣгда за сообщеніемъ этого извѣстія, Тургеневъ продолжаетъ:
 „Мы подумаемъ, какъ это устроить въ Петербургѣ чрезъ Жуковскаго и Пер(овска)го. Швецовъ можетъ имѣть нужду и въ твоихъ совѣтахъ по редакціи письма и пр. помощи ему. Онъ меня растрогалъ и заставилъ вдохнуть не по немъ одному. Но все дѣлается руюю провидѣнія; и въ душѣ моей упованіе и бодрость... (23-го іюня 1827 г.).

Три дня спустя Тургеневъ опять писалъ о Швецовѣ и Жуковскомъ:

„Жуковский нѣсколько разъ прежде думалъ, и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго Демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, есть-ли не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои „мысли о рабствѣ“, кажется, черновой проектъ. Но теперь ты могъ многое обдумать или придумать...“ (26-го іюня 1827 г.).

Позже (19-го августа) Тургеневъ писалъ:

„То, что ты говоришь о Швецовѣ меня очень радуетъ. Я все думаю о томъ, какъ бы спасти его и полагаю надежду на Жуковскаго и гр. С—ва, хотя съ послѣднимъ не удалось еще говорить о немъ. Въ особомъ свиданіи говоримъ о дѣлѣ, а при другихъ я иначе его не вижу, какъ за картами; да при иностранцахъ не хотѣлось бы и говорить объ участи Швецова“.

И потомъ черезъ нѣсколько дней:

„Пришли, пожалуста, всѣ стихи Швецова. Они меня тронули. Я какъ будто предчувствовалъ, прощаясь съ нимъ въ Парижѣ, что онъ будетъ тебѣ хоть на минуту пріятель. Наружность его и потомъ слова его мнѣ очень понравились. Не судьба-ли, или лучше не способность-ли судьбы твоей, что единственный русскій (кромя Вик—на), который былъ съ тобою въ пріятельскомъ сношеніи въ Англіи—рабъ, и рабъ ищущій свободы, но ищущій ее такъ, какъ ты желалъ: законными средствами, выгодными для обѣихъ сторонъ...“ (25-го августа).

Въ одномъ изъ писемъ сообщена басня Жуковскаго.

„Сию минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковский сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія. Оригиналъ сохраняю и пришлю къ тебѣ при первомъ случаѣ:

„Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голликъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: „Бѣдное золото! жаль мнѣ тебя! Какъ тебя жгутъ и мучать. Какому жестокому тирану досталось ты въ руки!“ Между тѣмъ огонь погасъ и золото вышло чистымъ изъ горнила. („Далѣе приписано руюю Жуковскаго“): Изъ него сдѣлали крестъ и люди стали въ немъ обожать

символь спасенія! Глупый голикъ! тебѣ-ли судить о золотѣ! положи въ огонь тебя—затрепишь, разлетишься дымомъ! И послѣ тебя останется горсточка пепла! А золото? и въ самомъ пылу огня не ронтало оно на судьбу свою! Оно вѣрило тому, кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ и даже радовалось жгучему пламени, которое воввышало его достоинство. Огонь палитъ! это правда! Но золото должно быть чистымъ. Кто осмѣлится сказать, видя его очищеннымъ: жаль, что его клали въ горнъ? Голикъ можетъ охать, смотря на огонь, потому что онъ голикъ! Но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуточку! а чистота навсегда! Золотомъ рудою можно остаться въ темномъ нѣдрѣ земли; но на бѣломъ свѣтѣ надобно быть чистымъ золотомъ. Это тоже, что сказалъ одинъ практическій мудрецъ: чистой совѣсти довольно, чтобы умереть; но жить нельзя безъ достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу“.

Жуковскій самъ хотѣлъ переписать свой апологъ для тебя. Хотя послѣднія слова и не совсѣмъ такъ, какъ они у тебя въ письмѣ; но онъ ихъ хотѣлъ напомнить.“ (21-го марта 1827 г.).

Въ этомъ же письмѣ Тургеневъ замѣтилъ: „Я не живаль съ такимъ живымъ чувствомъ нравственнаго достоинства, какъ теперь. И для будущаго эта жизнь есть запасъ высокихъ душевныхъ наслажденій, прибрѣтеній ума и опыта въ жизни.“

Жуковскій и Тургеневъ проводили время вмѣстѣ и въ Эмсѣ, въ июлѣ и въ началѣ августа 1827 г. Ранѣе Жуковскаго Тургеневъ поѣхалъ въ Веймаръ и Дрезденъ и получалъ иногда отъ него письма. Вотъ нѣсколько словъ изъ одного изъ нихъ о Канингѣ, умершемъ незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ июля. (8-го августа).

„Дома нашелъ письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса отъ 14-го августа. Вотъ слова его о Канингѣ. „Canning n'existe plus. Il n'y a que l'histoire universelle qui peut consoler de ce qui se passe autour de nous. Les événements isolés semblent prêcher le hasard; mais les siècles en masse annoncent Dieu: croyons à leur révélation et restons tranquilles dans la simple soumission au devoir. Il n'y a ici de clair que le devoir. Какая величественная смерть! Умереть и оставить міру въ утѣшеніе одну только надежду на Промыслъ...“ (17-го авг. 1827 г.).

Тургеневъ ждалъ Жуковскаго еще въ августѣ въ Дрезденѣ, часто о немъ справлялся и наконецъ дождался 8-го сентября въ Лейпцигѣ.

„Въ полночь приѣхалъ Жуковскій. Мы свидѣлись въ 6-ть часовъ утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажилъ три дня въ Веймарѣ, въ бесѣдѣ съ Гсте, отъ котораго и я получилъ милое слово черезъ канцлера Мюллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскій жалѣетъ,

что меня не было съ нимъ у Гете. Онъ былъ обыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ.¹⁾ Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гете и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось европейское его образованіе, и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многого бы лишился, что приобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гете незамѣнимъ. Вотъ стихи Жуковскаго, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гете:

Творецъ великихъ вдохновеній!
 Я сохраняю въ душѣ моей
 Очарованіе мгновеній
 Столь счастливыхъ вблизи твоей!
 Твое вечернее сіянье
 Не о закатѣ говоритъ!
 Ты юноша среди созданья!
 Твой геній, какъ творилъ, творить.

Я въ сердцѣ уношу надежду,
 Еще здѣсь встрѣтятся съ тобой:
 Землѣ знакомую одежду
 Не скоро скинетъ геній твой.
 Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
 Твою музою я жилъ
 И для меня мой геній, Гете,
 Животворитель жизни былъ.
 Почто судьба мнѣ запретила
 Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
 Тогда душа бы воспалила
 Свой пламень на твоемъ огнѣ.
 Тогда-бъ вокругъ меня созданъ
 Иной чудесно-пышный свѣтъ:
 Тогда-бъ и обо мнѣ остался
 Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ! (8-го сент. 1827 г.)

Въ томъ же письмѣ Тургеневъ сообщилъ и еще нѣсколько строкъ Жуковскаго, не менѣе драгоценныхъ. Это письмо его къ графу Каподистрія, президенту Греціи, незадолго передъ тѣмъ поѣхавшему въ Петербургъ и по пути заѣзжавшему въ Веймаръ къ барону Штейну, знаменитому министру прусскому, къ которому ранѣе того, при первомъ проѣздѣ въ Грецію изъ Англии, онъ писалъ о своей рѣшимости посвятить свою жизнь отечеству. Кстати вспомнить нѣсколько словъ

¹⁾ Гете было тогда 78 лѣтъ. Жуковскому—44 года.

изъ письма Жуковскаго къ Козлову отъ 23-го юля 1826 года, изъ Эмса: „Главнымъ моимъ здѣсь утѣшеніемъ былъ гр. Каподистрія, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ. Я еще надѣюсь его увидѣть во Франкфуртѣ“. („Р. А.“ 1867, 828).

„Жуковскій подтвердилъ мнѣ о слезахъ Штейна при чтеніи письма гр. Каподистрія. Онъ, уѣзжая чрезъ Англію въ Грецію, просилъ благословенія старца на дѣло, коему посвящалъ себя и жизнь свою. Письмо коротко, но въ этомъ испрашиваемомъ у Штейна благословеніи все сказано. Жуковскій написалъ письмо къ Каподистрії и отдалъ его Штейну для отправленія. Посылаю тебѣ съ него копію. Тутъ узнаешь обоихъ: и Жуковскаго, и Каподистрія:

„Hier j'ai lu votre sublime lettre au b. Stein. Elle a rempli mon âme d'un sentiment de respect pour vous et en général pour la grandeur de la destinée humaine. La lecture d'une pareille lettre en présence de l'homme à qui elle a été adressée, est un des beaux moments de ma vie. Oui, les bénédictions que vous demandez en entrant dans votre noble carrière, vous sont accordées à l'unanimité par tous les coeurs qui aiment la vertu, qui croient à la providence divine. Lorsque j'ai appris que Canning n'existait plus, je n'ai été rempli que de respect religieux pour une mort pareille. Dans le premier moment on peut rester stupéfait devant un événement qui semble renverser toutes nos espérances; dans le second on revient à soi et on dit avec une nouvelle confiance: l'histoire universelle nous console de l'histoire contemporaine. Si le moment fugitif du présent semble quelquefois prêcher le hasard, l'histoire prêche Dieu. Canning n'a pû effectuer ses beaux projets pour l'humanité; mais il a existé, le monde l'a connu, et il a legué son âme à l'histoire, et la grandeur d'âme survit à la grandeur des empires. Vous allez entrer en Grèce. Vous allez joindre votre destinée à celle de votre généreux peuple. Quelqu' en soit l'issue, votre beau dévouement appartient à l'humanité. Vous avez déjà ajouté au trésor des choses grandes, qui seules sont le vrai héritage que nous tenons du passé. Et ceux qui vous ont béni, vous resteront à jamais reconnaissans pour les beaux sentiments qu'ils ont dû éprouver en prononçant leur bénédictions. Adieu M-r. le C-te, mon espérance de vous retrouver à P.-bourg a été donc vaine; mais vous savoir là, où vous serez bientôt, c'est encore être près de vous. Votre vie prêche la vertu et le devoir. J'en profiterai pour ma carrière obscure (Et c'est l'instituteur du futur Empereur de toutes les Russies qui parle de l'obscurité de sa carrière! Прижчаніе переводчика) et je tâcherai de me rendre digne d'aimer le souvenir de Capodistria“. Въ черновомъ письмѣ его я нахожу еще нѣсколько строкъ, кои онъ не послалъ къ Каподистрії, вотъ онѣ: „Qui sont

nos vrais bienfaiteurs dans cette vie? Ceux qui nous inspirent l'amour du bien, qui nous apprennent à révéler notre existence, qui nous enseignent à apprécier son but. Qui sont les vrais bienfaiteurs de l'humanité? Ceux qui ont laissé à la postérité l'exemple d'une grande et pure activité. Les empires passent avec eux, qui ont contribué à les agrandir ou à les détruire; mais la grandeur de l'âme, qui a aimé le bien, reste intacte". Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковский часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни (8-го сентября 1827 г.).

Не лишнимъ будетъ прибавить къ этому нѣсколько строкъ изъ другихъ писемъ о графѣ Каподистріи, который, возвращаясь осенью изъ Петербурга, заѣзжалъ на нѣсколько дней, между прочимъ, и въ Парижъ, куда въ то время пріѣхалъ и Тургеневъ. Они видѣлись—и вотъ что Тургеневъ написалъ о гр. Каподистріи:

„По полудни. Пишу отъ Каподистріи, куда пришелъ съ почты... пришелъ Каподистрія. Вечеръ. Я просидѣлъ съ полчаса; слушалъ, а не говорилъ и только изрѣдка его спрашивалъ. Онъ ясно и откровенно представилъ мнѣ свое святое дѣло, свои надежды, свои опасенія, и отношенія къ разнымъ державамъ, особливо къ Англіи и Россіи, а Франція слѣдуетъ одному впечатлѣнію съ Россією. Удастся или не удастся—теперь его роль прекрасна: онъ отказался отъ Россіи для отечества, гдѣ найдетъ трудъ и нищету и интриги. Онъ сегодня или завтра уѣдетъ въ Швейцарію, изъ которой желалъ бы, для внутренней полиціи, имѣть три тысячи солдатъ. Объ этомъ желаніи я не отъ него слышалъ; но для этого нужны деньги. Онъ похудѣлъ и совершенно сѣдъ. Онъ заваленъ дѣлами, и важными, государственными, ибо уже, какъ президентъ, хлопочетъ у трехъ державъ за Грецію,—и мелкими, ибо всѣ обращаются къ нему съ проектами и претензіями“ (21-го октября).

На другой день послѣ этого Тургеневъ занесъ въ письмо еще нѣсколько строкъ о Каподистріи:

„Часть вечера провели мы у Св—ной и она рассказала намъ о своемъ свиданіи съ Каподистріи. Онъ все отдалъ грекамъ: и сумму, вырученную за аренду, и жалованье, и теперь голъ, какъ соколъ, и только думаетъ о спасеніи отечества. Императоръ Николай предлагалъ ему величайшія денежныя пособія; но онъ не принялъ болѣе того, сколько думаютъ дать другія главныя государства: Франція и Англія, дабы не возбудить подозрѣнія противъ Россіи и не быть ей болѣе благодарну, чѣмъ другимъ. Кромѣ денегъ, ничего—разумѣется и кромѣ оружія—не принимаетъ; ибо людей деньгами, и именно швейцарцовъ, можетъ нанять. Св—на, находя, что прежде въ немъ

была какая-то охота къ діалектикѣ, видѣть въ немъ теперь какую-то воплощенную мудрость: восхищается нравственнымъ, спокойнымъ его характеромъ и цѣлю всей его жизни. Увѣряетъ, что никогда онъ не былъ такъ проникнутъ религіею, какъ теперь, и во всѣхъ словахъ онъ сходенъ съ своими поступками. Не сердится и на тѣхъ, кто противъ святой его цѣли; но носить въ сердцѣ тѣхъ, кто доброжелательствуетъ грекамъ: это его собственное выраженіе съ графинею. Сегодня онъ уѣхалъ“.

Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ опять написалъ еще нѣсколько словъ, какъ бы въ дополненіе: „Жуковскому трудно будетъ привыкать къ тамошней литературной діетѣ; но къ счастью у него богатый литературный запасъ отсюда и изъ Германіи и дѣятельность его ученая не на новинкахъ будетъ основана. Прочелъ нѣсколько критическихъ статей Вяземскаго въ „Телеграфѣ“: онъ не совершенствуетъ своего слога, а напротивъ, окруженный безграмотными, позволяетъ себѣ все, что почитаетъ оригинальностью и силою выраженій. Странная участь нашей литературы: ея нѣтъ, а журналы все что-то критикуютъ, разсматриваютъ и о чемъ-то хлопочутъ“ (1-го октября 1827 г.).

Конечно, все это писано не на показъ, безъ мысли о томъ, что оно будетъ прочтено кѣмъ-нибудь постороннимъ; но зато и вполне откровенно, искренно, безъ всякаго желанія кого-бы то ни было рассердить или уколоть. Тургеневъ написалъ, что думалъ; а думать могъ такъ или иначе только потому, что такъ или иначе зналъ то, о чемъ думалъ; и такъ или иначе приготовленъ былъ глядѣть на то, что могло сдѣлаться предметомъ его думы.

Есть въ письмахъ Тургенева припоминанія и о другихъ писателяхъ русскихъ, но объ очень немногихъ и очень случайныя.

Такъ напримѣръ о Крыловѣ вспомнилъ Тургеневъ при словѣ о какомъ-то Сабранѣ:

„M-r Sabran, Буфлеровъ beau-fils, прочелъ намъ нѣсколько прелестныхъ басенъ своихъ, и прочелъ à la Крыловъ, т. е. очень натурально и съ оригинальнымъ кокетствомъ“ (23-го января 1828 г.).

О Козловѣ сказано при словѣ о пѣніи княгини Гол—ной: „кончилъ вечеръ у кн. Гол—ной.¹⁾ Она пѣла, и я исполнилъ нашего Козлова коего она была, въ первое время слѣпоты его, утѣшительницею“ (17-го іюля 1827 г.).

¹⁾ Въ письмѣ Жуковскаго къ Козлову изъ Эмса отъ 16-го іюля 1826 г. о той же особѣ читаемъ: «Здѣсь, между прочими русскими, княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе... Она тебя помнитъ и любитъ и всегда говоритъ о тебѣ, да и сбивается сама къ тебѣ писать». (Кн. А. 1857, 826).

О Дмитріевѣ вспомнито по поводу слова о литературной вечеринкѣ у професора Гассе:

„Вчера мы опять были на литературной вечеринкѣ у Гассе. Засѣданіе открылъ министръ Ностицъ своими стихами и очень хорошими. И. И. Дмитріевъ во время своего министерства не согласился бы у Кундына читать свои басни въ кругу литераторовъ, артистовъ и журналистовъ“. (27-го января 1827 г.).

О Вяземскомъ словъ находимъ болѣе, но данныхъ почти не болѣе, по крайней мѣрѣ, не столько о немъ, сколько о самомъ Тургеневѣ:

„Вяземскій прислалъ мнѣ двѣ книжки своего и двѣ Пушкина журнала. Въ своемъ напечаталъ два письма мои, выписками изъ Дрездена, и все, что я написалъ къ нему: совѣты, что читать, сужденія о книгахъ и авторахъ. Я пересталъ и не буду писать къ нему, хотя впрочемъ, и нѣтъ ничего предосудительнаго въ тѣхъ напечатанныхъ письмахъ; но мнѣ и некогда, да и не до того. Я не пишу и въ журналѣ подробно; а только къ тебѣ. Прочее время на чтеніе“. (Іюль, 1827 г.).

„Гизо показалъ уже мнѣ первый № de la „Revue française“, и изъ издаваемой. Онъ помѣщаетъ краткія извѣстія и о книгахъ въ другихъ словесностяхъ, съ означеніемъ содержанія оныхъ, безъ чужихъ сужденій, а только со своимъ замѣчаніемъ на чужестранныя книги. Гизо желалъ бы включить и статью для русскихъ книгъ и просилъ назвать ему журналъ, изъ коего бы могъ онъ брать извѣстія о русскихъ книгахъ. Я не могъ ничего назвать ему, кромѣ le Journal de St.-Petersbourg, гдѣ изрѣдка бывають литературныя статьи, но болѣе сужденія, коихъ Гизо не хочетъ. Мнѣ пришелъ на мысль Вяземскій и я обѣщалъ ему, что онъ будетъ доставлять для „Revue“ именно такія статьи, какихъ Гизо желаетъ; ибо и самъ Вяземскій точно о томъ же просить меня и Тол—го. Гизо за это будетъ ему посылать свою „Revue“ и кое-что другое; а Вяземскій радъ будетъ войти съ нимъ въ сношеніе такого рода, и я увѣренъ, что онъ не ударитъ лицомъ въ грязь и не постыдитъ земли русской. Напишу къ нему о семъ и устрою это дѣло въ пользу обоихъ“. (23-го января 1828 г.).

Вотъ еще нѣсколько словъ о Веневитиновѣ, выписанныхъ изъ письма Козлова.

Въ ряду стихотвореній Веневитинова есть два: „Къ моему перстню“ и „Завѣщаніе“. Одно начинается:

Ты былъ отрытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пыли ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.

Въ другомъ читаемъ:

Внимайте; чтобъ сего кольца
 Съ руки холодной не снимали:
 Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
 И будутъ съ нимъ скоронены.

Желаніе поэта было исполнено. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева:

„Изъ Петербурга Козловъ пишетъ къ намъ о смерти одного молодого человѣка Веневитинова, подававшего прекрасныя надежды способностями и знаніями: „Il avait une bague trouvée dans un tombeau à Herculanum; il la portait à sa montre et l'appelait son talisman; dans des vers charmants qu'il lui a adressés, il dit qu'il la mettra à sa noce ou à sa mort. Хомяковъ qui savait cela, lui mit cette bague au doigt quand il était déjà agonisant; il eut un moment lucide, sentit sa bague et demanda: „suis-je marié?“— Non, répondit solennellement Хомяковъ, alors il fondit en larmes et mourut quelques heures après“. (Лейпц., 2-го мая 1827 г.).

Тургеневъ воспиталъ въ себѣ свои понятія объ иностранной литературѣ стройно съ другими понятіями — при помощи усидчиваго чтенія и изученія разныхъ писателей. Могли бы быть у него такія стройныя понятія и о литературѣ русской, если бы онъ призналъ своею нравственною обязанностію слѣдить за ея движеніями. Это, въ сожалѣнію — какъ кажется — не было. Независимый во многомъ, въ этомъ онъ былъ подѣ властію тѣхъ особенныхъ предубѣжденій, которыя — и въ его время, и позже — мѣшали (а можетъ быть и теперь мѣшаютъ) видѣть достоинства внѣ заколдованнаго круга людей близкихъ и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыхъ значеніе уже признано всѣми, если только они не иноземцы.

И. И. Срезневскій.